

АХИЕЗЕР
Александр Самойлович

Ахиезер А.С. — сотрудник Института экономического прогнозирования РАН, член Нью-Йоркской Академии наук. Известный культуролог, автор 250 научных работ.

РОССИЯ МЕЖДУ ОТКРЫТЫМ И ЗАКРЫТЫМ ОБЩЕСТВОМ

В основе идеи «открытого общества» лежит представление о том, что общество, если его рассматривать во всей его всемирно-исторической целостности, должно качественно изменяться, чтобы сохранить стабильность, обеспечить свою выживаемость.

Усложнение человеческого мира требует превращения закрытого общества в открытое. Иначе люди в этом обществе будут не в состоянии формировать способности, адекватные нарастающей сложности мира. Это ведет к снижению эффективности принимаемых решений, росту дезорганизации, угрожающей перерасти в катастрофу, в распад общества. Проблема открытости — форма выражения способности людей, сохранить сложное общество, изменяя его так, чтобы предотвратить его опасную дезорганизацию.

КАК ВОЗМОЖНО ДВИЖЕНИЕ К ОТКРЫТОМУ ОБЩЕСТВУ?

Каков механизм развития открытого общества? Человеческое творче-

© А.С. Ахиезер, 1997.

ство — кумулятивный процесс, не исключаящий, однако, массовых разрушительных поворотов в обратном направлении. Жертвой этих поворотов является творческий потенциал значительного количества людей не только в результате насилия, но и общей атмосферы массовых фобий, попыток решать проблемы избиением «оборотней». Разрушительные последствия имеет распространение массовой веры, что избиение сил зла и есть путь добра, массовой убежденности, что все проблемы решаются реализацией некоторой абсолютной идеи. При этом само содержание этой идеи может и не иметь значения, важно лишь что она внедряется через разрушительный монолог.

Путь к открытому обществу лежит не на шумной внешней стороне исторического процесса с войнами, революциями, подвигами и преступлениями властителей и т.д., о чем так любят писать историки. Этот путь прокладывается где-то на скрытой стороне, где человек, погруженный в по-

вседневность, решает свои бесконечно разнообразные проблемы. Там, отвечая на сложность повседневности, человек накапливал умение, творческий потенциал, новые смыслы. В древности этот процесс шел столь медленно, что его нельзя было заметить на протяжении поколений. Например, совершенствование примитивных орудий архаичным человеком не было результатом заранее поставленной цели. Совершенствование орудий, прогресс средств не были культурной ценностью, но шли интуитивно, подсознательно, возможно как результат напряженного стремления сохранить все, как было, и, одновременно, как результат определенной игры неосознанных творческих сил. Представление о развитии, о совершенствовании распространялось на все этажи культуры из зародившегося вместе с культурой представления об освоении детьми сложившейся культуры. В пользу этой гипотезы свидетельствует исключительная важность представлений о семье, малых сообществах как основы для формирования большого общества, государства. На протяжении веков рядовые люди рассматривались как «дети», а в качестве «отца» выступало первое лицо. Отсюда вытекало представление, что общество зависит от того, как «дети» осваивают то, чему учит «отец». Это открывало возможность для понимания того, что общество зависит от способности «детей» творчески осваивать культуру.

Человечество шло к открытости не через борьбу со «злодеями». Открытость — это борьба человека с собой, с собственным страхом перед изменениями, с неумением их отбирать, осваивать и интегрировать. Развитие открытости шло по пути преодоления синкретизма, то есть первобытной нерасчлененности представлений, всей

жизни общества. Распад синкретизма не сводится к отделению искусства от религии, науки от повседневности, знания одной вещи от знания другой и т.д. Он включает постепенное выделение особых типов отношений людей из нерасчлененного целого и превращения каждого из них в особый предмет озабоченности, то есть в отношения, открытые для изменений. Последовательное вычленение различных форм этих отношений является важнейшим шагом в формировании открытости.

Человек сумел выделить из синкретизма особый тип отношений, связанный с развитием технологии, технических средств, необходимых для осуществления сложившихся в культуре целей. Иначе говоря, люди перешли от подсознательного развития техники к осознанному. Важный элемент общественной жизни превратился в предмет творческой рефлексии. Способность превращать развитие технических средств в особую проблему не могло существовать без одновременной способности выделить отношения людей в сфере эксплуатации технологии в особый предмет, подлежащий совершенствованию.

Еще одним этапом распада синкретизма было вычленение организационных отношений на предприятии, в учреждении, армии, любом сообществе. Возникла способность изменять организацию предприятия и вообще всех сообществ в соответствии с изменяющейся целью, с задачей повышения эффективности, подчинять структуру функции. Предприятие, если оно находится в условиях напряженных, изменяющихся рыночных отношений, может выжить лишь при условии, если оно окажется способным отвечать на изменяющиеся требования рынка. Этот ответ заключается не только и не

столько в «сохранении коллектива», существующих в нем традиционных, патриархальных отношений, но в открытой способности людей изменять состав работающих, их отношения между собой.

И, наконец, возникает способность изменять общество в целом, все типы отношений. Они превращаются в предмет диалога, в предмет реформ, изменений и управления (не путать с манипулированием), в открытый предмет воспроизводства. Этот по сути бесконечный процесс распада синкретизма, включающий качественное изменение культуры, усиление ее диалогичности, преодоление закрытости, осознание возможности и необходимости подчинять структуру функции и есть сердцевина формирования открытости в обществе.

Об открытом обществе стало возможно говорить тогда, когда творческая способность людей формировать новые отношения постепенно достигла способности повседневно совершенствовать государственные отношения через формирование всеобщего диалога в масштабе гражданского общества. Открытое общество возможно в гражданском обществе, где культура и вся система отношений ориентированы на стимулирование развития личности как субъекта творческих инноваций. В нем формируется государство, способное охранять право каждого на формирование культурных инноваций, их культивировать, излагать, проповедовать, критиковать, совершенствовать государство, бороться за свободное участие в политическом диалоге на всех уровнях общества. Тем самым государство из традиционного инструмента ограничения творчества, подавления личности превращалось в защитника личности. Государство из воплощения закрытости

становится защитником открытости, его источников. Оно превращается в институт, защищающий творческую личность от насилия со стороны самой власти, от противников расширения и углубления творчества, от сил противостоящих открытости. При этом оно само превращалось в открытое для личности.

Каждый шаг этого сложного процесса формирования открытости включает в себя развитие культуры, формирование сдвигов в культурных программах. Этот процесс мог иметь место лишь в условиях роста способности людей формировать позитивные инновации, вступать в диалог в связи и по поводу этих инноваций, их приемлемости для общества. Это возможно на основе роста массового творческого потенциала. Сердцевиной этого процесса является частная инициатива, вторжение творчества в сферу все более сложных отношений, в хозяйство, экономику, политическую жизнь, в функционирование государства. Люди постепенно осознали, что все, что нас окружает, все наши способности есть результат творческого потенциала носителей частной инициативы, результат открытости. Любое достижение в этой области всегда вызывает недовольство своей недостаточностью и тем самым дает стимул его дальнейшему углублению.

РОССИЯ МЕЖДУ ЗАКРЫТЫМ И ОТКРЫТЫМ ОБЩЕСТВОМ

Картину изменений в жизни каждой страны, человечества в целом невозможно понять игнорируя рассмотрение современного мира через дуальную оппозицию «традиционная — либеральная суперцивилизация». В современном мире существует группа стран, принадлежащих к либеральной

суперцивилизации. В них либеральные ценности, ценности открытого общества, занимают ведущее место, оттеснив ценности традиционного общества, и постоянно пытаются превратить монолог традиционализма в один из голосов диалога. Сюда относятся прежде всего страны, которые раньше у нас соотносились с развитым капитализмом. В них, однако, существуют анклав традиционализма, часто глубоко разрушенного, например, негритянские гетто в США. Активно традиционализм в странах открытого общества подчас становится основой борьбы с новыми ценностями открытого общества, подчас методами монолога в его крайних формах, методами терроризма. При всей его бесчеловечности он не в состоянии сокрушить открытое общество в его твердых формах. Специфика терроризма заключается в том, что слабость своего энергетического потенциала он пытается компенсировать крайностями своих методов, или как стали недавно говорить у нас, беспределом.

Традиционализм в чистом виде уже не существует. Возможно, что его еще можно найти в отдаленных племенах Африки, Латинской Америки. Современный традиционализм в возрастающих масштабах пронизывает утилитаризм. Отношения между ними являются крайне сложными. С одной стороны, утилитаризм разлагает синкретизм, формируя представления о мире как бесконечном наборе реальных и потенциальных средств. Но, с другой стороны, утилитаризм служит основой для превращения элементов открытого общества в ценность для людей закрытого общества, в средство для укрепления традиционализма, позволяет использовать для защиты закрытости достижения открытого общества. Тем самым в со-

временном мире традиционализм в значительной степени силен чужой силой, в частности западной техникой и наукой. Для таких стран, как Ирак, Ливия, Иран характерно стремление сохранить основы традиционализма, закрытого общества, максимально используя научно-технические достижения открытого общества и, не в последнюю очередь, в сферах, необходимых для войны. Утилитаризм, следовательно, в определенном, ограниченном смысле представляет собой переходный «идеал между традиционализмом и либерализмом, между закрытостью и открытостью. Его роль в современном мире двойственна, противоречива.

Россия в современном мире занимает особое место. В ней с начала модернизации внутри культуры, социальных отношений складывались отношения циклической конфронтации между двумя суперцивилизациями. Неоднократные попытки утвердить ценности либерализма, открытого общества сменялись противоположным процессом, стремлением восстановить традиционализм. Циклы исторического развития в России привлекают все больше внимание исследователей. Отношение России с двумя суперцивилизациями можно описать как состояние страны, «застывшей» между ними, как вышедшей за рамки традиционной суперцивилизации, но не вошедшей в число стран, где утвердилось открытое общество. Это тяжелое и мучительное состояние характеризуется высоким уровнем дезорганизации, слабостью государства, слабостью массового признания его ценности, крайне медленным продвижением к рынку, значительным настроением иждивенчества и недостаточным развитием частной инициативы. Это состояние характеризуется

элементами двоевластия, «хромающих» решений. О них можно говорить тогда, когда в цепочке решений каждое последующее опровергает в значительной степени предшествующее.

Промежуточность общества характеризуется неорганичностью изменений, его расколотостью между противостоящими нравственными идеалами. Это состояние характеризуется периодическим усилением стремления либо перейти к открытому обществу, либо вернуться к закрытому при одновременной невозможности отказаться как от традиционализма, так и от достижений либеральной суперцивилизации. Эта эклектическая промежуточность означает, что элементы открытого общества могут быть использованы как средство укрепления закрытости, как впрочем и наоборот. В таком обществе развитие элементов открытого общества может вызвать реакцию противостояния элементов закрытого общества, где по сей день сконцентрирован значительный социально-энергетический потенциал общества. Промежуточность выражаются в слабости культуры диалога и его организационных форм, преобладании конфронтации монологов (1). В стране существуют мощные силы, стремящиеся не столько выйти из этого состояния, сколько к нему в разных формах адаптироваться.

ЕСТЬ ЛИ ГАРАНТИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА?

Развитие открытого общества происходит в разных странах различным образом. Некоторые из них можно отнести к первому эшелону, где открытая либеральная суперцивилизация возникала на исторически сложившейся почве своих народов, на основе

сложившейся культуры, на культурной традиции античности, иудо-христианства. Этот процесс шел медленно, не без конфликтов, но сравнительно безболезненно, если его сравнить с аналогичными процессами в странах последующих эшелонов. К странам второго эшелона можно отнести Германию, которая отставала политически и экономически и стимулируемая опытом более развитых стран, пыталась получить утилитарные результаты открытого общества, прибегая подчас к методам закрытого общества. Это привело к тому, что, перейдя к либеральной суперцивилизации, Германия ответила на внутренний кризис и на внешнеполитическое поражение установлением фашизма. Это можно расценивать как утопическую попытку установить традиционное закрытое общество, но на основе экономики, достигшей открытости, развитого рынка. Тоталитаризм XX века был попыткой крайними методами закрытого общества удержать определенные достижения открытого общества. В Германии это привело к тому, что она смогла продолжить свое движение к открытому обществу, лишь пережив национальную катастрофу, крушение государственности и полный военный разгром. Россия оказалась страной третьего эшелона, которая так же, как и Германия, но в значительно меньшей степени, созрела до открытого общества, до господства рынка. Общество, однако, усиленно пыталось использовать достижения открытого общества для экономического и социального развития. Для этого Россия, как и Германия, прибегла к методам закрытого общества, к тоталитаризму. Но в отличие от Германии это общество формировалось в условиях преобладания традиционализма на докапиталистической основе. В России

был создан невиданный в истории химерический порядок, сочетающий максимально мыслимую закрытость с попыткой сформировать индустриальное и даже постиндустриальное общество на дорыночной основе, на основе архаики и примитивных форм утилитаризма. Этот раскол привел в конечном итоге к катастрофе, как политической, так и хозяйственной. После этого развитие открытого общества оказывается крайне трудным, требующим массового нравственного напряжения и ответственности.

Никаких гарантий, лежащих за пределами массовых стремлений и способностей людей постоянно активно действовать, изменять себя таким образом, чтобы формирование открытости превратилось в первую жизненную потребность личности, нет и быть не может. Исторический опыт показывает, что народы по-разному реагировали на рост опасностей. Некоторые не ищут выхода и пассивно идут навстречу собственной гибели. Жители Византии, когда в нее вторглись турки, бросили на произвол судьбы свою страну и с захватчиками сражались только жители столицы во главе с императором. Расплатой было исчезновение этого общества. Историческая традиция отвечать на критическую ситуацию лозунгом «не сойдем с печи», возникшая среди части крестьян России, не способствует развитию открытого общества.

Движение любого народа к открытому обществу происходит через качественное изменение соотношения между обыденным сознанием, где концентрируются ранее сложившиеся пласты культуры, и накапливаемым знанием, наукой. Это движение зависит от того в какой степени и масштабах обыденное сознание ассимилирует потенциал, направленный на пре-

вращение в предмет исследования способности 'людей менять свои ценности, искать меру этой способности. Формирование открытого общества зависит от способности людей обеспечить взаимопроникновение двух аспектов своей культуры, их синтез на постоянно обновляемой основе, искать динамичную меру этого синтеза.

Люди сами выбирают себя, свою идентификацию на основе своей культуры, стараясь следовать ей, одновременно интерпретируя, критикуя ее, тем самым формируются новые пласты культуры, изменяется общество, люди. Этот выбор скрыт в любой форме деятельности, далеко выходит за рамки решения, за кого голосовать на выборах. Речь идет о развитии соответствующих форм образа жизни, выборе суперцивилизаций. Люди, однако, выбирают не абстрактно, не основываясь лишь на доводах разных сторон, на доводах пророков, идеологов, ученых. Перспективы движения России к открытому обществу зависят в конечном итоге от сложившихся нравственных идеалов, от их влияния, их массовости, от того каков выбор люди совершат между открытостью и закрытостью. Эти идеалы существуют как дуальные оппозиции, постоянно создавая для личности проблемные ситуации. Важнейшая среди них оппозиция традиционализма и либерализма, а также умеренного и развитого утилитаризма. Существуют также различные их разновидности и сочетания. Россия развивалась как страна традиционалистского (вечевого), закрытого типа. Однако традиционализм в современном обществе в значительной степени разрушен. Умеренный утилитаризм, с его ограниченным стремлением расширить сферу открытости, разлагает традиционализм, стимулируя энергию людей на приоб-

речение благ, не боясь при этом разрушать природную и социальную среду. Развитый утилитаризм характеризуется осознанием зависимости приобретаемых благ от продуктивных творческих усилий людей, что можно расценивать как существенное расширение сферы открытости. Однако этот идеал не возвышается до уровня открытости государственного целого, до способности стимулировать людей для достижения целей, которые бы не сулили быстрого локального эффекта. Тем не менее утилитаризм является предпосылкой такого движения к открытому обществу. Однако его влияние в нашем обществе ограничено. Он, как и российский либерализм, был раздавлен в результате возникновения на основе традиционализма и умеренного утилитаризма советской системы.

Программу формирования открытого общества несет в себе либерализм. Однако его массовое влияние в обществе недостаточно. Тем не менее соединение либерализма и развитого утилитаризма открывает перспективы для формирования в России открытого общества. Мера возможности реализации этой перспективы устанавливается нравственным поиском каждого из миллионов людей нашего общества. Ежеминутный результат этого выбора между нравственным опытом прошлого и попыткой выйти за его рамки определяет наш завтрашний день, пути выхода из расколотого состояния.

ФИЛОСОФИЯ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА

Философия, как и культура в открытом обществе носит открытый характер, развиваясь вместе с необходимостью разрешать все более сложные проблемы. Когда-то Ницше осу-

дил современную ему науку за то, что «она убила Я». Однако наука открыта и ускользает от жестких замкнутых определений, от клеймящих ее ярлыков. Наука могла рассматриваться как анализ объекта внешнего и противоположного субъекту, человеку, личности. Но смысл науки не оставался неизменным. Развитие науки, выдвижение ее как новой, важнейшей формы культуры, возвело открытость в культурную ценность. Наука на этом этапе может быть осмыслена как воплощение и реализация потенциалов человека, его способности преодолевать ограниченность культуры прошлого, ограниченность способности отслеживать новые опасности. Наука своей ориентацией на открытость обращена к опасностям и тем самым развивается как необходимая форма все более смелого и квалифицированного противостояния этим опасностям. Само включение в науку представления об опасности есть ее очеловечивание. Налицо качественный сдвиг в науке, делающий ее нарастающей по важности формой гуманизма, формой выживания, жизнеспособности человека в мире нарастающих опасностей. Наука жертвует комфортными представлениями, превращающимися в опасные иллюзии в изменяющемся мире во имя жестокой истины. Наука тем самым превращает прекрасный мир в минное поле. Но она лишь указывает на эти мины, которые уже заложены нашей вселенной, людьми, чьи действия определены локальными ценностями, воплощение которых усиливает опасности. Наука, как медицина. Не создает болезни, но ищет опасности, чтобы давать людям все более глубокую основу противостояния им.

В мире, создающем науку и следищем ее открытой логике, должны жить храбрые, образованные, реше-

тельные люди, способные не только пассивно адаптироваться к миру, но и формировать открытый мир новых возможностей. Наука превратила человека в свой собственный объект, непосредственно выйдя на проблему рефлексии, способности человека не только идеально воспроизводить предметный мир, но воспроизводить себя, общество, культуру, отношения. Движущую силу формирования открытого общества следует искать в личности, точнее в массовом стремлении людей развивать свои способности, искать пути эффективного преодоления фундаментального противоречия между двумя описанными выше периодическими или постоянно расходящимися интерпретациями мира.

Изменяясь, человек изменяет общество. Но тем самым меняется смысл человеческого существования, представление о месте человека в этом мире, о значении мира для человека и человека для мира. На первый план выступает значение развития личности как высшей ценности, как самоцели, не обремененной представлениями об утилитарной необходимости этого развития, то есть той пользы для людей, которую можно ждать от далеко продвинутой, творческой личности. Это как раз и означает, что развитие личности не подчинено заранее поставленной цели, но является открытым для формирования самих целей. Открытость общества основана на развитии способности личности формировать цели, участвовать в общественном диалоге по этому поводу, организовывать этот диалог. Совершенствование диалога, формирование соответствующих институтов, отношений возможно лишь как формирование открытого общества, как формы самоизменения человека, его культуры.

Когда-то философия в качестве объяснительного принципа мироздания выдвигала идею субстанции. Ее модификации порождали из себя все многообразие реальности, что должно было объяснить существование этого многообразия и одновременно внутреннее единство мира. Но осознание проблемы развития потребовало перемещения объяснительного принципа от бесконечной безличной субстанции к субъекту, к человеческой личности, способной брать на себя ответственность за себя, за окружающий мир, за многообразие не только вещей, но и человеческих возможностей. При таком подходе сам человек выступает как субстанция, которая постоянно активно себя порождает, порождает своими интерпретациями все многообразие своего собственного мира. Центром такого мира, такого общества является личность, точнее способность личности решать все более сложные проблемы, а если еще точнее — способность повышать, углублять в себе эту способность. Понимание человеком самого себя принципиально меняется. Субстанция в истории мысли превращается из материальной реальности в человеческую возможность, в то, что, как писал французский философ Делез, еще должно стать (2). Это движение мысли составляет аспект движения людей к открытому обществу. Существуют и другие тенденции и, следовательно, другие философии, черпающие свои представления в других стремлениях, в разных культурных традициях, в ценностях закрытого, полузакрытого общества. Проблема, однако, заключается не в том, какие из этих тенденций «лучше», но какие способны стать основой программ обеспечения стабильности, жизнеспособности, жизнеспособности.

Движение к открытому обществу существует как тенденция, которая постоянно, в зависимости от напряженности воли, от способности или неспособности людей может повернуть назад к древним архаичным программам воспроизводства. Более того, разные люди, разные части этого общества могут опираться на разные, прямо противоположные, разрушающие друг друга программы деятельности. Это различие может иметь место в каждом человеке, что порождает сложнейшие конфликтные, дезорганизующие ситуации, возможно, чреватые катастрофами. Философия открытого общества — обобщенная форма сложнейших социокультурных процессов, самоизменения общества через личность, личности через общество, формирования диалога в каждой точке этого общества.

Стремление личности формировать открытое общество (или действовать в противоположном направлении) не сводится к личным вкусам, но всегда является особым ответом на вызов истории. Этот ответ лежит в диапазоне возможных ответов между двумя крайностями, то есть между следованием закрытым традиционным программам и открытому диалогу, направленному на поиск все более эффективных изменений в самом человеке, в его деятельности. Специфика философского ответа заключается в формировании открытой философии. Смысл открытости философии в том, что она постоянно противостоит собственной предвзятости, опирающейся на ограниченный опыт прошлого. Открытая философия нацелена на постоянную интерпретацию прошлого опыта в свете нового опыта, как впрочем и наоборот. Открытая философия заключается в том, что она должна быть направлена против предвзятости по

отношению к новому опыту как якобы единственной значимой реальности. В сущности, эта всего лишь философское обобщение сформулированного выше фундаментального противоречия между двумя постоянно возникающими интерпретациями мира: закрытого и открытого. Абсолютизация прошлого опыта получает свое выражение в абсолютизации прошлой культуры, которая, однако, с каждой последующей минутой делается все более абстрактной, отдаляющейся от нового опыта. Одновременно абсолютизация нового опыта получает свое выражение в форме нового знания, науки, которая, в каждую последующую минуту делается все более абстрактной. Однако смысл этой абстрактности противоположный. Новое знание для человека, погруженного в ранее сложившуюся культуру, может оказаться чуждым для него. Разрыв между сложившейся культурой и движением науки с возрастающей остротой требует синтеза этих противоположностей. Иначе существование двух интерпретаций приведет к расколу общества в разных формах вплоть до гражданской войны. Этот синтез возможен как шаг в движении к открытому обществу. Его развитие возможно, если люди пойдут по пути рефлексии, то есть осознания своей роли как субъектов истории, по пути превращения роста своих способностей в предмет своей озабоченности. Человек держит свою судьбу и мира на острие своих динамичных способностей. Поэтому людям некого винить в том, что мир недостаточно хорош. Но если этот мир, как он есть, нас не устраивает, то в этом следует видеть стимул для его улучшения. Еще Кант говорил, что «страдание — это побуждение к деятельности». Критерий этого улучшения может вырабатываться лишь

через диалог, диалог разных форм комфортности.

Диалог — всеобщая характеристика и содержание мышления. Но одновременно и организационный принцип построения общества, его саморазвития. Диалог происходит между решениями, которые, если их взять изолированно друг от друга, могут быть разрушительными для природы, чему мы все свидетели, и противоположными решениями, разрушительными для общества, к чему ведут призывы отказаться от удовлетворения жизненно важных потребностей. Задача состоит в необходимости неуклонно повышать способности людей решать все более сложные проблемы, максимально преодолевать отставание этой способности от роста сложности проблем, от вызова истории.

Специфика современного мира — развитие глобальных опасностей. Этому может противостоять единственная сила, то есть человек, наращивающий свой потенциал формирования и реализации эффективных решений. Потребность в нара-

щивании этого потенциала до масштабов глобальных опасностей также является спецификой современности. Нет гарантий, что опасности, грозящие человечеству, всегда будут преодолимы. Но и нет нравственной возможности для априорной капитуляции перед нарастающей сложностью мира. Опасности вызывают к глубинным человеческим потенциям. Достойный ответ на этот вызов заключается в напряженной нацеленности человека на формирование своих творческих потенций, на реализацию и формирование своей нравственности, нравственного долга. Тем самым человек перед лицом нарастающих угроз должен строить достойный открытый мир для себя, для своих детей, для всех ближних и дальних, без которых сама его жизнедеятельность не может быть реализована, не имеет смысла.

Примечания

1. Ахиезер А.С. Специфика современного философствования (Взгляд из России). // Вопросы философии. 1995. № 12.
2. Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.

